

неизменной (*судить вышташ* 'судить', *судить выште* 'суди'). Возвратные же глаголы русского языка дополняются вспомогательным глаголом *ляши*, опять-таки без ограничения спрягаемым (*интересовацы ляши* 'интересоваться', *интересовацы ляш* 'интересуюсь').

Причина употребления глаголов на *-лаш* в речи марийцев Пермской и Свердловской областей (стр. 64) ясна: образования типа *мешатлаш* 'мешать', *гулятлаш* 'гулять' вместо общемарийских единичных *мешаяш*, *гуляяш* возникли под влиянием аналогии с глаголами типа *воспитатлаш*. Далее, нужно принять во внимание, что основы русских глаголов *хваля-*, *копчи-*, *черти-* не совпадают с корнями *хвал'*-, *копт'*-, *черт'*- (стр. 64). Поэтому нельзя давать корень и основу в одной плоскости.

В третьей главе «Семантика заимствованных слов» (стр. 72—83) рассматривается большое количество слов, сузивших или расширивших круг своих значений, а также слова, изменившие свое значение или употребляемые для диффе-

ренциации значения слова, переосмысленные слов и народная этимология.

В конце книги помещен сводный список русских заимствований в марийском языке, который включает в себя около двух тысяч слов. Однако некоторые слова или варианты заимствований, которые встречаются в исследовании (например, *могорист* — стр. 51, *карандас* — стр. 52, *лампе* — стр. 22, 24 и др.), не нашли отражения в словаре.

Высказывая критические замечания, мы не хотим умалить значения рецензируемого исследования, представляющего собой первую работу такого рода. Сложная проблема, какой является проблема русских и вошедших через посредство русского языка иноязычных заимствований, не может быть разработана сразу во всех ее связях. Думается, эта скромная по объему книга окажется небесполезной для финно-угроведов в дальнейшей работе по изучению взаимодействия языков.

Г. И. ЛАВРЕНТЬЕВ (Глазов)

<https://doi.org/10.3176/lu.1971.1.11>

Р. С. Ширманкина, Фразеология мордовских языков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1969.

17 апреля 1970 г. на заседании Ученого совета историко-филологического факультета Тартуеского государственного университета Р. С. Ширманкина, младший научный сотрудник сектора мордовского языкознания Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР, успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Фразеология мордовских языков». Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор П. Аристэ (Тарту) и кандидат филологических наук Ф. Вакк (Таллин). Ниже следуют некоторые замечания об этой интересной теоретической монографии.

«Фразеологические единицы мордовских языков до сих пор не были предметом специального исследования», — начинает автор свою диссертацию. Ее объемистое (278 стр.) исследование — первое научное описание всей фразеологии мордовских языков и одна из первых моногра-

фий, посвященных описанию целой фразеологической системы одного языка финно-угорской языковой семьи вообще. Следует подчеркнуть и тесную связь теории с практикой: параллельно с работой над диссертацией автор ее подготовила к печати рукопись фразеологического словаря мордовских языков.

Диссертация состоит из пяти глав, краткой итоговой части и списка использованной литературы. В первой, вводной главе рассматриваются общетеоретические проблемы фразеологии (объем фразеологии, признаки и определение фразеологических единиц и др.), во второй — способы образования мордовских фразеологизмов, в третьей — так наз. семантическая классификация фразеологических единиц, в четвертой — структурно-грамматическая характеристика фразеологизмов, в пятой — их семантические особенности (многозначность, синонимия и антонимия, вариантность). Теоретическими основами диссертации послужили ра-

боты видных советских языковедов В. В. Виноградова, Б. А. Ларина, Н. Н. Амосовой и др. Исследование охватывает весь комплекс основных проблем мордовской фразеологии (например, сущность и происхождение фразеологизмов, форма и содержание фразеологизма, свое и чужое в фразеологии и т. п.), причем особое внимание обращено на своеобразие и особенности фразеологизмов мордовских языков (проблема парных словосочетаний, фразеологические единицы с изобразительными словами, эллиptические устойчивые сочетания фразеологического характера). Вместе с трактовкой мордовской фразеологии автор дает краткий обзор исследования фразеологии в других финно-угорских языках (стр. 3—11 и пр.). Совершенно правильно фразеология языка рассматривается как система, которую надо многосторонне изучать (стр. 17, 48 и сл.). Хорошо и то, что диссертант заботится о терминологической ясности своего изложения (стр. 18 и др.). С общетеоретической точки зрения представляет интерес анализ существенных признаков фразеологизма и довольно удачная попытка определить фразеологическую единицу (стр. 48), причем автор с полным правом критикует излишества в определении объема фразеологии. Сферу использования работы расширяет последовательное снабжение мордовских фразеологизмов буквальными русскими переводами, делающее исследование доступным и специалистам, не владеющим мордовскими языками. Это особенно важно при описании возникновения, заимствования и особенностей фразеологических единиц. Иллюстрационным материалом служат цитаты из художественной литературы, публицистики и фольклора. Однако этих цитат и иллюстраций чересчур много и они подчас слишком длинны, от чего страдает связность изложения.

В сравнительно корректной трактовке обнаруживаются и некоторые недостатки, неточности и т. п. Отчасти это обусловлено тем, что даже в основных вопросах теории фразеологии пока еще много спорных положений, не говоря уже о специальных проблемах отдельных языков.

1. Верно, что для определения фразеологизма нужен целый комплекс признаков (стр. 19, 33). Однако все же среди них

надо уделить особое место устойчивости, которая является при определении фразеологических единиц ближайшим родом (*genus proximum*): фразеологизм — устойчивое словосочетание, характеризуемое такими-то и такими-то дифференциальными признаками.

2. Все приведенные автором существенные признаки фразеологизма (см. стр. 21 и сл.) не имеют равной ценности. Признаки многоочленность и раздельнооформленность тесно связаны между собой (речь идет об ограниченной группе раздельнооформленных словосочетаний, например, сочетания знаменательных слов или знаменательных со служебными), поэтому следовало бы их рассматривать вместе. Признак наличия соотносительного слова очень условен (хотя фразеологизм сам по содержанию напоминает раздельнооформленное слово!). Многие исследователи, особенно практики, например составители фразеологических словарей, в последнее время с полным основанием сомневаются, можно ли фразеологизм заменить одним словом адекватно (см. А. И. Молотков, Лексическое значение фразеологизма. — Проблемы устойчивости и варианты фразеологических единиц (= Материалы межвузовского симпозиума. Ноябрь 1968 г.), Тула 1968, стр. 316; А. М. Бабкин, Русская фразеология, ее развитие и источники, Ленинград 1970, стр. 3 и др.). Что фразеологизм может быть заменен (хотя бы соотносительным) словосочетанием — этот признак слишком широк (см. стр. 33, 43): словосочетанием мы можем описать содержание и фразеологизма, и любого другого словосочетания, даже отдельного слова.

3. Возникает противоречие, если автор, с одной стороны, обосновывает, что составные термины (например эрз. *Каргонь ки* 'Млечный путь') не принадлежат к фразеологии (стр. 37 и сл.), а с другой стороны, включает все же туда некоторые этнографические термины, например, мокш. *инголи якай* 'лицо, до свадьбы посылаемое женихом в дом невесты для предварительных переговоров (букв.: впереди ходящий)' (стр. 124). Имеются и другие подобные спорные случаи (разница между «теорией» и «практикой»).

4. Диссертант исключает из мордовской фразеологии абсолютно все крылатые

выражения (стр. 44), но здесь, как и при парных словосочетаниях и составных терминах, нужен дифференцированный подход к вопросу. Часть полностью переосмысленных метафорических крылатых выражений (ср. *ахиллесова пята*) несомненно принадлежит к фразеологии.

5. Слишком категорично утверждение о том, что компоненты фразеологизмов якобы утрачивают (всегда ли?) свое лексическое значение, а связи и отношения между ними перестают быть связями между словами (стр. 45). Такое максимальное слияние компонентов наблюдается отнюдь не всегда. Часто можно «уточнить» какой-нибудь компонент метафоры, расширить словарный состав фразеологизма и т. д. Ср. мокш. *келукс кольгомс* 'горько плакать (букв.: как береза капать)' и мокш. *кольгс тундань келуныкс* '(она) горько плакала (букв.: капала как весенняя березка)' (стр. 149 и сл.).

6. Говоря о происхождении фразеологизма, нет основания строго различать исконно мордовские фразеологизмы и фразеологические единицы, имеющие известные аналоги по значению среди русских фразеологизмов (стр. 50 и сл.). Обе группы представляют собой подлинные фразеологизмы мордовских языков, ср. эрз. *кода калыстэ сэрят* (букв.: как от ивы желуди) с его русским эквивалентом по содержанию *как от козла молока*.

7. Диссертант бегло затрагивает и проблему так наз. фразеологического окружения, но, к сожалению, не рассматривает индивидуального окружения фразеологизма (см. М. Т. Тагиев, Глагольная фразеология современного русского языка (Опыт исследования фразеологических единиц по окружению), Баку 1966, стр. 73). С этой точки зрения было бы интересно проанализировать фразеологизмы, имеющие в своем составе и компоненты в прямом значении (стр. 54), напр., эрз. *кортамс сельме удалга* 'говорить за глаза (букв.: говорить позади глаз)'.
8. В семантической классификации мордовской фразеологии автор исходит (стр. 86 и сл.) из классификационной схемы В. В. Виноградова (фразеологические сращения, единства, сочетания). Основным признаком фразеологических сращений считается, в первую очередь,

их грамматическая немотивированность (наличие грамматических архаизмов и т. п.), от которой якобы (только?) зависит и их полная смысловая неразложимость, т. е. невыводимость общего значения из значений компонентов. Это слишком узкое и одностороннее определение не учитывает того факта, что наличие архаичных элементов не является единственным признаком фразеологических сращений. Мотивация значения словосочетания может со временем потеряться, вследствие чего значения компонентов сливаются в неразложимое целое, ср. *собаку съел на чем-либо*, эст. *kops läheb üle maksa* 'кто-либо сердится (букв.: легкое переходит через печень)' и др. Из-за игнорирования этого обстоятельства границы между фразеологическими сращениями и единствами становятся очень шаткими. Каким образом выводится, с точки зрения современной мотивации, например, общее значение мокш. *архтомс седи ланца* 'слегка утолить голод, перекусить (букв.: покрасить поверхность сердца)' как фразеологического единства (!) из значений его компонентов (стр. 96)? Нет основания также утверждать, что эрз. *кепедемс лавотвт* 'пожать плечами' является фразеологическим сочетанием (стр. 101), имеющим в своем составе компонент со свободным значением. Такого рода описания движений (жестов), выражающих разные эмоции и т. п., приобретают переносное значение (подтекст) целиком, не по частям. В общем, третью главу, посвященную классификации фразеологических единиц, следовало бы просмотреть более внимательно.

9. Нет сомнения в том, что при глагольных фразеологизмах глагол служит грамматическим центром словосочетания (стр. 133 и сл.). Требуется уточнения вопрос, является ли это грамматически стержневое слово «в большинстве случаев» (стр. 134) действительно также смысловым (смыслообразующим) центром фразеологизма. Дело в том, что глагол при таких фразеологических единицах более других элементов тускнеет, утрачивает свое значение, функционирует часто в качестве «глаголизатора», дающего сочетанию глагольный характер (глагольность): ср. функцию эрз. *кирдэмс* 'держать' в эрзянском фразеологизме *кирдэмс вачо пеке* 'голодать, быть голодным

(букв.: держать голодный живот) (стр. 137).

10. Ввиду многих точек соприкосновения следовало бы синонимию (стр. 195 и сл.) и вариантность фразеологизмов (стр. 235 и сл.) рассматривать вместе или параллельно. Было бы полезнее, если бы трактовка синонимии имела более обобщенный характер (все синонимы пересчитать в диссертации все же невозможно!). Не совсем точно говорить о вариантности как о своего рода «слабости» устойчивости фразеологических единиц (стр. 254), ведь все варианты сами — устойчивые словосочетания. Вариантность в фразеологии — своеобразный синтез изменчивости и устойчивости, дающий фразировке фразеологизма известную гибкость и удовлетворяющий разные стилистические потребности (иногда даже и потребности семантической дифференциации) и т. д.

Специально следовало бы обратить внимание на отношение сложного слова и словосочетания (фразеологизма), поскольку границы этих категорий в мордовских языках иногда не очень четки. Явную пользу принесло бы диссертации и более широкое использование теоретической литературы. Имеются в виду вышеупомянутая монография азербайджанского лингвиста М. Т. Тагиева о так наз. ме-

тоде по окружению, некоторые интересные статьи зарубежных лингвистов, в том числе и представителей новых направлений в языкознании (см. J. G. Koopij, *Compounds and Idioms*. — *Lingua* 21 1968, стр. 250 и сл.; L. Chafe, *Idiomatity as an Anomaly in the Chomskyan Paradigm*. — *Foundations of Language* 4 1968, стр. 109 и сл., и др.). Новые идеи и методы описания фразеологической системы полезны и для «классической» трактовки фразеологии. Ведь диссертант подчеркивает, что фразеологическую систему языка надо изучать всесторонне!

Все приведенные выше критические замечания не снижают общей оценки работы. Диссертация, несомненно, представляет собой содержательное исследование по фразеологии мордовских языков. Поскольку работа представляет большой интерес для широкого круга лингвистов, а также всех лиц, интересующихся вопросами фразеологии, один из оппонентов (Ф. Вакк) считает весьма желательным опубликование ее после тщательной редакции и устранения неточностей. Это мнение поддержал в своем небольшом выступлении и заведующий сектором мордовских языков Мордовского научно-исследовательского института кандидат филологических наук И. С. Бузаков.

ФЕЛИКС ВАКК (Таллин)

Р. Н. Бузакова, Синонимия мордовских языков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1970.

5 июня 1970 г. на Ученом совете историко-филологического факультета Тартуского государственного университета состоялась защита диссертации младшим научным сотрудником Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР Рансой Николаевной Бузаковой на тему «Синонимия мордовских языков». Официальными оппонентами свою оценку работе дали доктор филологических наук П. Алврэ (Тарту) и кандидат филологических наук В. Д. Обьедкин (Саранск).

Р. Н. Бузакова посвятила свое исследование, занимающее 432 стр. машинописи, не изученной до сих пор в мордовских языках проблеме, а именно лекси-

кальной и грамматической синонимии мордовской речи. Тема диссертации актуальна во всех отношениях и имеет большое теоретическое и практическое значение. Следует подчеркнуть, что аналогичных трудов по синонимии других финно-угорских языков еще нет. Несмотря на то что внимание автора сосредоточено только на мордовских языках, результаты работы представляют интерес и имеют значение и для исследователей других финно-угорских языков.

Диссертация по своему построению отличается системностью и логичностью. Она состоит из введения, трех глав, выводов и приложения.

Во введении (стр. 3—16) дан анализ имеющихся в финно-угорской научной